

Анастасия Дробина

ЧУДОВИЩЕ ИЗ ОЗЕРА

ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК

#эксмобестство

Анастасия Вячеславовна Дробина

Чудовище из озера

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42676733

Аннотация

Кто захочет провести остаток каникул у тётки в глухой деревне? Вот и Серёга Атаманов не обрадовался такой перспективе! Так и пришлось бы справляться с огромным хозяйством одному, если бы на подмогу не примчались лучшие друзья. Никто не подозревал, что обычная поездка обернётся настоящим приключением! Сначала их чуть не ограбили на станции, а вечером по деревне разнёсся душераздирающий не то рёв, не то вой. Серёга вспомнил, что точно такой же он слышал на озере и в развалинах местной церквушки неподалёку... Что же за чудовище поселилось в этих краях? За ответами ребята отправились к дому местного богача Таранова. Каково же было их удивление, когда на пороге особняка они встретили мальчишку, который чуть не ограбил их на станции... Вот так задачка!

Анастасия Вячеславовна Дробина Чудовище из озера

© Дробина А.В., 2019

Третьего июля во всей деревне Островицы – и, наверное, во всём Рославлевском районе Смоленской области, – не было человека несчастнее Серёги Атаманова.

А ведь ещё вчера ничто не предвещало!.. Вернувшись домой после смены в спортивном лагере, Серёга первым делом нырнул в «Фейсбук» и отыскивал друзей. Выяснилось, что Полундра уже в Москве, Белка Гринберг готовится к концерту, а любимая девушка Натэла возвращается от тёти завтра. Лучший друг Батон сидел у деда в деревне и мог прибыть

повидаться в любой день: стоило только сесть в электричку. Серёга обрадовался тому, что на его день рождения – двенадцатого июля – съедется вся их компания, приготовился ждать... и вот, блин горелый! – дождался!

Среди ночи заверещал телефонный звонок. Атаманов сначала долго ждал, что трубку снимет мать, потом спохватился, что она в больнице на дежурстве. Шатаясь, встал и пошлёпал в коридор к телефону.

В трубке взхлёб рыдал девчачий голос. Спросонья Атаманов даже не сразу узнал кузину Лизку – дочь своей смоленской тётки.

– Лизка! Ты чего ревьешь? Что случилось? Где тётя Марина?

– В Новосиби-ирске... На перегово-орах... А где тётя Таня? Почему она мобильный не берёт?

– Дежурит потому что! А ну сопли вытерла, икать хватит, и всё по порядку щас же мне!.. – По опыту Серёга знал, что с рыдающими девицами надо говорить строго. – Что у вас там случилось, спрашиваю? Ты в деревне? В Островицах? У бабки? С мелкими? Какая «Скорая»?!

– «Скорую», говорю, я вы-ы-ызвала! А она приехать не может! Говорят, у них всего одна машина и та на вызове! Бабушку сейчас в область дядя Аслан повезёт! На инфаркт похоже! А мама прилететь всё равно не смо-ожет! Они эти переговоры в Новосибирске полгода готовили, без неё там всё ру-у-ухнет! И кто-то с бабушкой поехать должен! А кто,

кроме меня?! И... и... ой, что же мне теперь дела-а-ать... Серёж, ты приезжай, ради бога, они же малые ещё, Ванька с Дениской! И Машке десять лет всего... И газонокосилка сдохла, а трава отовсюду прё-ёт... Ты, главное, Машке в руки косу не давай, она ногу себе отрежет! А у Ваньки на овсянку аллергия! А Дениску под утро на горшок посадить надо, а то...

– Не вой! – рявкнул Серёга в трубку. – Собирай бабку и поезжай! Документы не забудь, полис и всё такое! Потом отзвонись, как дела! Тёте Марине пока не звони, не пугай раньше времени! Скажи Машке, чтоб заперлись изнутри и не открывали никому! Еду! Утром буду! И газонокосилку почи-ню!

Ругаясь нехорошими словами, Атаманов пошвырял в спортивную сумку трусы, носки, тельняшку, нестиранные майки, верный телефон, куртку и кусок колбасы из холодильника. Затем сунул в карман пять тысяч рублей, отложенные на празднование «днюхи», написал СМС для матери – и вышел в ночь. Через час он уже был на Белорусском вокзале, а ещё через десять минут – в рейсовом автобусе на Рославль.

Деревеньку Островицы Серёга помнил хорошо: в детстве мать отвозила его туда каждое лето. Баба Тоня, конечно, была добрая, пекла пироги, упайвала внука молоком и разрешала гулять где вздумается. Островицы были окружены болотами, реками, речонками, ручьями и прудами, в которых можно было ловить рыбу и купаться до посинения. В при-

леске за полчаса собиралась огромная куча грибов. Ягод было – завались. Но скука царила смертная. Никаких других мальчишек в округе не было, со старшей кузиной Лизкой поговорить было особо не о чем, Машка и Ванька были слишком малы, а Дениски тогда ещё и в планах не значилось. К концу лета Серёга уже готов был на луну выть от тоски. И поэтому был очень рад, когда мать начала отправлять его на каникулы в спортлагерь от секции карате, куда брали только с десяти лет. И вот – снова-здорово... Атаманов прекрасно понимал, что тётя Марина, которая неделю назад улетела в Новосибирск на важные переговоры, не сможет в два дня вернуться домой. И бабуку в её восемьдесят три года выпустят из больницы не скоро. А значит, неприятности только начинаются.

В Островицы Серёга прибыл утром. У калитки его встретила Машка – десятилетняя зарёванная кнопка в ночной рубашке и огромных калошах на босу ногу.

– Ой, Серёжка! Ой, как хорошо, что приехал! Я всю ночь от страха не спала!

– Как дела? – сурово спросил Атаманов, входя во двор. – Лизка что – не вернулась ещё? Звонила хоть?

– Она с бабушкой в больнице осталась! Сказала, что бабушку там уморят без ухода! Что у них там ни градусников, ни лекарств, ни памперсов, ни лаборанток! И полы грязные! И окна немытые! И осталась!

Час от часу не легче...

– А кто их отвозил? Что это за дядя Аслан?

– Из Красного дома охранник! Вот хороший человек, спасибо ему! И довёз, и бабушку до больнички на руках донёс, и на обратном пути ко мне заехал, предупредил, что Лизка там останется, чтоб я не волновалась... Хотел со мной до утра посидеть, но я уж не согласилась. И так, думаю, человека обеспокоили... Ничего, говорю, я взрослая, замок у нас крепкий, а утром брат из Москвы придет.

Машкина рассудительность Серёгу слегка успокоила, хотя никакого Красного дома он в Островицах решительно не помнил. Решив, что выяснит это позднее, он сбросил найковские кроссовки, натянул резиновые сапоги и пошёл осматривать свалившееся ему на голову хозяйство: огород, кур, собак, гусей и корову.

Огород стоял затянутый утренним туманом. Два дворовых пса, Жиган и Цыган, нагло дрыхли под крыльцом. Куры ерошились в сарае на шестках. Гуси сонно какакали в своих клетушках. Рыжая корова Милка стояла в тёмном хлеву, переминалась с ноги на ногу и на вошедшего Серёгу взглянула как на личное несчастье. В здравом размышлении Атаманов решил, что хорошо бы животину подоить, покормить и вычистить за ней навоз. Но как всё это делается, он не очень-то представлял. Машка тем временем сварила пшённую кашу, подмела дом, усадила за стол проснувшихся братишек и огорошила Серёгу признанием в том, что доить корову тоже не умеет.

– Чего?! – не поверил Атаманов своим ушам. – Ну, знаешь что, мелочь!.. Как хочешь – так и дои, а то она у нас подохнет ещё! У бабки второй инфаркт будет!

– Да нас бабушка к корове вообще не подпускает! – запищала Машка. – Она знаешь какая вредная, эта Милка?! Чуть что – сразу рогами! А если её не подоить – у неё вымя раздуется и болеть начнёт!

– Та-ак... – Атаманов нахмурился, скрывая панику. – Тут хоть одна старуха имеется на всю деревню? Которая знает, что с этим... выем... делать?

– Нет, Серёж, никого – со вздохом сказала Машка. – Степановна ещё весной померла. Мы последние корову держим.

Долго предаваться истерике Серёга Атаманов был не склонен. Нужно было немедленно действовать. Не хватало ему только смертельно больной коровы на руках!..

– Машка, мне срочно позвонить надо!

Тут же выяснилось, что мобильная связь в Островицах сильно хромает и берёт исключительно с могучего дуба посреди ржаного поля. Оседлав дряхлые велосипеды, Атаманов и Машка выехали за околицу, прокатились берегом узкой, заросшей камышом речонки и вылетели на луг. Справа темнела лесополоса, за которой стучал поезд. Слева Серёга с удивлением увидел двухэтажный кирпичный дом с красной крышей. Дом окружал высоченный забор. Атаманов был готов поклясться, что, когда он гостил у бабки в последний раз, ни дома, ни забора и в помине не было.

– Это кто тут у вас завёлся? – спросил он у Машки. – Депутат местный?

– Так это Красный дом и есть! Бизнесмен из Москвы построил! Таранов фамилия! Он сам тут не живёт, только сына на лето привозит! Это его охранник бабушку с Лизкой ночью в больницу повёз! И Лизка тебе звонила тоже от них!

– Так, может, не полезем на дуб-то? – обрадовался Серёга. – Давай опять к Таранову этому попросимся позвонить!

– Не! Они местных вообще-то к себе не пускают! Ночью Лизка пробилась, потому что уж совсем перепугалась! Долбила им в ворота и ревела, пока не впустили! А сейчас кто реветь будет?.. Лезь лучше на дуб, там на развилке связь хорошая!

Машка прыгнула с велосипеда и махнула рукой в поле. Там среди ржи высилась тёмно-зелёная кудрявая пирамида дуба. Делать было нечего, и Атаманов, свирепо ругаясь, зашагал сквозь колосья.

Забраться на исполинское дерево оказалось легче лёгкого. Корявые ветви начинали расти чуть ли не от корней и лестницей поднимались к самой кроне. Атаманов с удобством уселся на толстом суке, свесил ноги и принялся тыкать в кнопки.

Андрюха Батон отозвался сразу же.

– Во, Атаман, здорово! Я как раз звонить собирался! Чего в «Фейсбук» не заходишь? Мы тут с дедом телевизор почти наладили! И говорит, и показывает! Приезжай давай – будем

чемпионат по футболу смотреть...

– Ты корову доить умеешь? – перебил Атаманов. В трубке воцарилось озадаченное молчание.

– Ко... козу только, – наконец, икнув, ответил Батон.

– Какая разница! – обрадовался Серёга. – Вымя – оно и есть вымя! Короче, садись на электричку и приезжай поскорей! Куда-куда – в Островицы! Щас эсэмэской адрес сброшу! У меня тут корова, того гляди, кони двинет! Недоеная! До фига жрёт и до фига гадит! И бодается ещё, как носорог!

Лучший друг оставался лучшим другом.

– Буду. Пиши эсэмэс! От нас в Смоленскую область на прямую автобусы ходят, быстро доберусь!

Отправив Батону длиннющее сообщение, Атаманов собрался было уже спускаться, как вдруг телефон в его руках разразился мелодией «Металлики». Серёга удивлённо взглянул на экранчик: звонила Натэла.

– Привет, как дела?

– У мэня – хорошо! А у тэбя – плохо! – Прорезавшийся акцент в голосе любимой девушки означал, что Натэла не на шутку обеспокоена. – Пачэму я о твоих проблемах от других людей узнаю?! Пачэму мне Батон звонит и говорит, что на тебя корову, кур, дом и маленьких детей сбросили? Па-ачэму ты мне в пэрвую очередь нэ позвонил?!

– Натэлка, а зачем?.. – растерялся Атаманов. – Ты ж только что из Сухуми... Устала, наверное... И чем ты тут можешь? Корову доить?

– Сергей! – грозно заявила Натэла. – Дети во сто раз хуже коровы! Их надо кормить три раза в день! Вкусной и здоровой пищей, а не чипсами! Им надо стирать! Их надо мыть! Их ва-аспитывать надо! Ты всё это умэешь дэлать?!

Атаманов вынужден был признаться, что не умеет.

– Жди меня завтра! Пиши эсэмэс, как доехать! – и Натэла отключилась. Серёга второй раз принялся набирать СМС, не замечая, что улыбается во весь рот. Но не успел он написать и трёх слов, как телефон зазвонил снова. На связь вышла Белка Гринберг.

– Серёжа! Почему ты мне не позвонил?! Звонит Натэла, ругается, спрашивает, работает ли у нас духовка! Кричит, что у неё баранина закончилась и голубцы все Тенгиз после смены доел, а с пустыми руками она не поедет к людям позориться... Завелась, короче, по полной программе! У тебя там правда маленькие дети? И хозяйство? Пиши эсэмэс, я приеду завтра с Натэлой!

– Постой, Гринберг, ты куда? – опешил Серёга. – У тебя же того... концерт через две недели! Этот самый... Иван Бух! И тренировки пианинные!

– Иоганн Бах, чудовище! И не тренировки, а репетиции! Но я всё равно приеду! Или ты хочешь, чтобы Натэла одна убивалась с тремя детьми? И с тобой четвёртым?! И копалась в огороде? И носила воду?! Ты этого хочешь?!

– Да тебя же Сонька не отпустит! – взвыл Серёга. – И ты руки испортишь в огороде, меня твоя мать потом убьёт!

– Это моя проблема! Пиши эсэмэс!

Уже ничему не удивляясь, Атаманов снова начал набирать текст. И снова не дописал: телефон запиликал снова. Взглянув на экран, Серёга покрепче ухватился за ветку, и правильно сделал: в ухо ему ударила полным залпом гаубичная батарея:

– Атаман!!! Ты чего мне не звонишь?! Нормально, да?! Вляпался в неприятности под завязку – и не звонит! Я тебе друг или портянка?!

– Полундра, заткнись! – попытался было выключить эту сирену Атаманов. – У меня дуб с корнем вывернется!

– Какой, на фиг, дуб?! – Полундру несло на всех парусах. – Ты чего меня не вызываешь?! Натэлка уже собирается всюю, на рынок понеслась! Белка на кухне кочегарит, к вечеру вагон еды будет! Скажи, что привезти?! И как ехать?! Продукты нужны?! Ты тёплую куртку взял? А кроссовки? А таблетки?! Натэлка говорит, сейчас какой-то злостный понос по Москве ходит! У вас там ничего такого ещё нету?! Потому что активированный уголь у меня кончился!

Атаманов, зная, что не родился ещё тот, кто сможет перерорать Юльку Полундру в минуту её вдохновения, терпеливо ждал. Наконец напор звуковой волны ослаб настолько, что стало возможным вставить слово:

– Полундра! Тебя из Москвы без телефона слышать! Не вопи! Ничего везти не надо! Скажи Натэлке, чтобы на кухне не убивалась! Лучше газонокосилку у меня с балкона забе-

рите, мать знает какую, отдаст! Я её починить не успел, может быть, Батон наладит!

– А если не наладит?! – взволновалась Полундра. – Я на всякий случай и нашу возьму, у деда в гараже валяется! Пиши, как ехать! И встречай завтра на станции! Адьюс, команданте!

Наконец Полундра отключилась. Атаманов посидел ещё немного на суку, представляя, как Юлька, полыхая встрёпанной рыжей гривой, вылетает из квартиры и мчится к Натэле, по пути ещё успев бухнуть кулаком в дверь Белки Гринберг... и на душе стало спокойней. В конце концов, когда за дело берётся Полундра – дело хоть и со страшным шумом, но делается. А если уж приедет Натэлка – значит, с голоду точно никто не умрёт.

Когда они с Машкой вернулись в деревню, сестрénка сразу же свернула в огород:

– Серёж, полоть же надо! Лизка вернётся – в обморок упадёт! Мы тут с ней и с бабушкой каждый день продёргивали! Дожди же прошли, вон как всякая гадость попёрла!

«Гадость» жизнерадостно зеленела в грядках с морковью, луком и перцами. Атаманов героически попытался помочь сестре, но довольно быстро выяснилось, что никакой разницы между ростком моркови и какой-нибудь лебедой он в упор не видит. Когда четвёртый оранжевый корешок вылетел в проход между грядками, Машка со вздохом сказала:

– Серёж, я уж как-нибудь сама. Иди лучше за грибами схо-

ди! В овраге лисичек полно, нажарим вечером с картошкой! Лисичку от поганки отличишь?

В последнем Атаманов был вовсе не уверен. Машка взрослому закатила глаза, кое-как объяснила старшему брату принципиальные различия съедобных грибов от несъедобных, вручила ему корзинку и вставила за калитку. Последнее, что слышал Серёга, удаляясь по тропинке к лесу, были пронзительные вопли сестры:

– Ванька, не трогай яблоки, они зелёные! Дениска, выплюнь жука! Выплюнь, говорю, охламон! Вот пронесёт тебя вечером, доиграешься! Тьфу, навалились на мою голову! Да заткнись ты, дура недоеная, что я поделаю-то? Стой, терпи до вечера! Где я тебе возьму?!.

Под горестное мычание «недоеной дуры» Атаманов поспешил углубиться в лесополосу.

Сначала он шёл березняком, затем краем оврага спустился в ельник и насобирав полкорзины лисичек, которые рыженькими колониями выглядывали из-под прошлогодних листьев и палой хвои. Повеселев от значительности «улова», Атаманов выбрался на другой край оврага, надёргал на папоротниковой поляне крепеньких белых и уже собирался поворачивать домой, когда впереди, в просвете между соснами, мелькнула вода. Серёга прибавил шагу и через минуту оказался на берегу круглого водоёма.

Озерцо это Атаманов помнил хорошо. По рассказам бабки, оно образовалось во время войны, когда при отступлении

со Смоленщины немецких войск в лесу упал снаряд. Образовавшуюся яму залило водой, берега поросли рогозом, в воде завелись лягушки и улитки. Вокруг росли сосны, их корни торчали прямо из обрывистых берегов. Вода была чистой, не заросшей ни камышом, ни ряской, как деревенские пруды. По зеленоватой глади лениво проплывали отражения облаков. При одном взгляде на эту красоту сразу же захотелось искупаться. Серёга решительно пристроил корзину с грибами между корнями разлапистой сосны, сбросил одежду и полез в воду.

Вода оказалась тёплой, и плавал Серёга долго. Выскочив на берег, он кое-как вытерся майкой, натянул шорты, отмахнулся от приставучего слепня – и внезапно заметил какое-то движение в воде у дальнего берега. Атаманов замер, присмотрелся. Так и есть: под водой бесшумно двигалась длинная тень. По очертаниям она напоминала полутораметровую сардельку. «Крокодил?.. Откуда он здесь?.. – взволнованно соображал Серёга, не сводя глаз с сардельки. – Сом какой-нибудь огромный? Доисторический? Это я вместе с ним там, что ли, плавал?!»

– Ты чего здесь делаешь?

Сердитый голос заставил Атаманова вздрогнуть и повернуться. В двух шагах от него, на песке между соснами стоял насупленный пацан лет двенадцати. Серёга на всякий случай окинул мальчишку своим знаменитым «бандитским» взглядом и сквозь зубы процедил:

– Носки вяжу по семь метров. Подарить, обсосок?

«Обсосок» захлопал карими глазами. Сообразив, что над ним издеваются, насупился ещё больше. В его тёмных, взлохмаченных волосах запутались сосновые иголки. Присмотревшись, Атаманов с изумлением обнаружил, что мальчишка, похоже, недавно ревел: нос у него был распухшим, а глаза – красными.

– Ты чего весь в соплях, шнурок? Удочка утонула?

– Вали отсюда, – вместо ответа посоветовал мальчишка.

Атаманов, который был старше года на три и выше на полголовы, ухмыльнулся. Сунул руки в карманы шорт и неспешно пошёл прямо на пацана. Тот попятился:

– Ты чего? Я – Таранов, понял?!

– А я – Серёга Атаман, – культурно представился Атаманов. – Щас я тебе морду начищу до кровянки!

До открытых военных действий было рукой подать. Мальчишка бесстрашно шагнул навстречу врагу – но зацепился ногой о выступающий корень и, взмахнув руками, упал. И в это время Серёга заметил, что тень под водой у другого берега стала уже в два раза больше. Возле камышей, под водой словно извивалась громадная змея. Атаманов окаменел. По спине побежали мурашки. Вот чудовище зашевелило щупальцами... Вот дёрнулся раздвоенный страшный хвост... Вот оно всплыло к поверхности, и над водой появился длинный, серый скользкий хребет... И над озером раздалось страшное, утробное рычание, продирающее до мозга

костей.

– А-а-а-а-а!!!

Истощный вопль мальчишки вырвал Серёгу из оцепенения. Схватив пацана за руку, он рывком поднял его и потащил за собой:

– Атаc!

Они кинулись напролом через кусты, скатились в овраг, вскарабкались по его краю наверх. Но в березняке мальчишка неожиданно заложил вправо и дал стрекача. Атаманов могучими, как у лося, прыжками пересёк берёзки, ельник, лесополосу возле рельсов – и пришёл в себя лишь на заросшем иван-чаем и ромашками лугу. В двух шагах от него меланхолично пережёвывал траву бабкин козёл Епифаний.

– Мек? – ехидно спросил он, глядя на взмыленного Серёгу жёлтым глазом.

– Прид-дурок, – тяжело дыша, сообщил ему Атаманов. По спине холодными струйками бежал пот.

Батон приехал на вечернем автобусе, когда солнце уже заваливалось за лес. Серёга встречал его на трассе.

– Здоров, Атаман! Ну, что корова-то ваша – жива?

– Пока да, – честно ответил Атаманов. – Но уже орёт.

– Ещё бы, – хмыкнул Батон. – Ты вот представь, что в туалет приспичило – а не можешь! И так целый день!

Атаманов представил – и содрогнулся.

– Давай побыстрей тогда! Если и ты её не выдоишь – тогда

вообще не знаю что делать!

Батон опасливо вздохнул – и прибавил шагу.

Возле калитки играли в футбол кузены с Машкой во главе.

– Ой, ну слава богу! – всплеснула сестрёнка грязными ладошками, увидев Батона. – Уж как мы вас ждали-то! Серёж, это твой друг? Андрей? А по отчеству как?

– Михайлович! – хмыкнув, подсказал Атаманов.

– Машка, не нагнетай! – слегка растерялся Батон. – Я сразу говорю – ничего обещать не могу!

Но Машка, не слушая, радостно суетилась:

– А у меня уже и ужин готов, перловки с тушёнкой наварила! И подойник вымыла с мылом, и марлечку стираную достала! Ой, ну как же вы... ты, Андрей Михалыч, вовремя-то!

– Открывайте корову! – ошалело скомандовал Андрей Михалыч. – Я руки мыть пошёл!

Машка, прыгая через грядки, понеслась к хлеву. Вскоре за ней отважно шагнул Батон. Некоторое время было тихо – а затем из хлева донеслось нарастающее гневное «Мы-ы-ы-ы!!!», пронзительный визг, грохот подойника – и Батон, бешено ругаясь и волоча за руку перепуганную Машку, вылетел из хлева прямо в заросли крыжовника. Атаманов помчался к нему.

– Что – гиблое дело?

– Совсем тухляк... – пропыхтел Батон, выдираясь из ко-

любчих стеблей. – Я и подойти к ней не успел – а она уже рога наставила и ка-ак помчится наскоком!.. Я еле Машку выкинуть успел и сам выскочил!

Все трое уныло уставились на хлеб.

– Что ж делать-то, господи?.. – У Машки задрожала нижняя губа.

Пацаны подавленно молчали.

– Так, – вдруг сказал Батон, – Машка, не реви. Рога не рога, а скотину доить как-то надо! У тебя бабкина одежда есть? Только нестираная, чтобы бабкой пахла!

– Есть! Сейчас принесу!

Машка умчалась в дом. Атаманов недоверчиво посмотрел на друга. Батон, поймав этот взгляд, хмуро предупредил:

– Учти: ни за что не отвечаю! Только для очистки совести!

– А если она тебя того... забодает?..

– ТЫ меня уже забодал! – заорал Андрюха. – Заткнись!

Надо же было такую сволочь вредную завести! Нет бы коз держать! Белые, пушистые, тупые, никаких проблем! А это что за тварь упёртая, я вас спрашиваю?! Ни о чём с ней договориться нельзя!

Из дома прибежала Машка с охапкой одежды. С её помощью Батон, свирепо сопя, облачился в коричневую потёртую юбку, застиранный фартук с отвисшими карманами и по-пиратски повязал голову платком в голубой горошек. Атаманов крепился как мог, но всё же не выдержал и захохотал:

– Батон, ты как эта... фрёкен Бок... на природу вышла!

– Засохни, а то щас сам пойдёшь! – зарычал Батон. – Если не сработает – погонишь скотину в Рославль! К бабке вашей в больницу!

– Так она же не пойдёт! – оторопел Серёга.

– Тогда МЧС с вертолётом вызовешь!.. Машка, а ты куда? А ты иди сюда! Давай расскажи, как ваша бабка с коровой разговаривает!

– Батон, ты чего? – На миг Серёге показалось, что лучший друг не в себе. – Она ж корова!!! О чём с ней разговаривать?

– А что корова – не человек, что ли? – Батон нервно одёргивал на себе мятый фартук. – У меня дед, когда курей кормит, всегда им последние новости из телевизора рассказывает. Эти дуры слушают и клюют. А козам кино пересказывает! К самой главной, Фроське, без сериала «Роковая встреча» и подступиться нельзя! Враз ведро ногой перевернёт – и хана молоку! А вот «Ментов в законе», про бандитов, терпеть не может!

Машка понимающе покивала, вздохнула... и нараспев принялась причитать:

– Ах ты моя милая, ах ты моя красавица! Милушка моя рыженькая, какие у нас ро-ожки, какой у нас хво-остик, какая шкурка мягонькая! А вот как я тебя сейчас, родную, подою, сладенькую, подою... А мы Милушке травки дадим, а мы Милушке водички дадим...

– Ну ты, Машка, даёшь... – только и сумел сказать Атаманов. – Тебе в народный ансамбль надо. В какие-нибудь «Печ-

ки-валенки»!

– Я это не того... не воспроизведу, – озадаченно сознался Батон. – Вот что, Машка... Идём-ка вместе. Не бойся, ты в проходе встанешь, вне зоны доступа. И сказки ей рассказывать будешь, а я – доить. Может, и проканает...

Машка взяла ведро с тёплой водой. Батон – подойник. Переглянувшись, они молча кивнули друг другу и плечом к плечу шагнули в тёмный хлев. Атаманов замер у дверей с лопатой на замахе, готовый по первому же мыку ворваться внутрь. Слышно было, как внутри звякнуло ведро, стукнула скамья, что-то тяжело завозилось. Наконец прерывающийся от страха голосок сестрёнки затянул:

– Ах ты, моя хорошая, ах ты, моя кормилица...

И – тишина.

Через четверть часа из хлева вышли лопающаяся от гордости Машка и слегка пришибленный Батон со съехавшим на глаза платком. В руке его было ведро, до краёв полное молока.

– Сработало! – почему-то шёпотом сообщил он. – Сперва косилась и боками водила, я уж думал – кирдык... А как Машка включилась, так и пошло-поехало! Я вымя обмыл, ведро пристроил и давай её... как козу! У неё там, оказывается, всё то же самое, только большее и тяжелее идёт! Ну-у, я гигант! Я – супермен!

– Ужинать идите, мужики! – спохватилась Машка. – Я там чугунок с кашей в печку задвинула, горячая ещё! А я пока

мелюзгу загоню, кур закрою и молоко по банкам разолью! Завтра за ним из Красного дома придут!

Только поздней ночью Серёга наконец сумел рассказать другу о доисторической рыбине в лесном озерце. Батон внимательно выслушал и про раздвоенный хвост, и про щупальца, и про утробное рычание, покрутил головой и высказал предположение, что Атаманов перегрелся на солнце.

– У вас тут что – озеро Лох-Несс? Вулканического происхождения? Откуда здесь динозавру взяться? Атаман, это у тебя, наверное, от свежего воздуха того... башку снесло.

– Ничего не снесло! – обозлился Атаманов. – Там со мной ещё пацан был какой-то, так тоже чуть концы не отдал, когда ОНО зарычало! Мы с ним вдвоём оттуда и рванули на форсаже! Я ещё грибы там под кустом оставил, жалко...

– А что за пацан? – вдруг спросил Батон.

– Не знаю. Ещё мелкий, а борзый такой! Прямо попёр на меня, вали, говорит, отсюда, я Таранов!

– А ты?

– А я уже приготовился в сопельник ему выписать... а тут как раз и завыло! – Атаманов хмуро посмотрел в окно. – Прикинь, если у них тут в лесу какой-то монстр завёлся? В полкилометре от деревни! А бабка туда мелюзгу за земляничкой отпускает!

– Надо посмотреть, – решил Батон.

– Только завтра, когда Полундра придет, – предупредил Серёга. – Она же нас уроет, если мы без неё тут динозавра

поймаем! А щас – спать пошли. В пять утра уже вставать Милку доить. Тьфу! И как только тут народ живёт... с козе-рогами этими всеми?!

* * *

В полдень к пустой платформе Островицы подошла московская электричка. Из неё торжественно выгрузились три девицы в камуфляжных штанах и куртках, с огромными рюкзаками, пахнущими мясом и пирогами, и двумя зачехлёнными газонокосилками.

– Как жа-арко в этом камуфляже... – пропыхтела Натэла. – Юлька, вот клянусь, – последний раз в жизни тебя слушаюсь!

– А по-моему, круто! – Полундра, которая лично купила на рынке по оптовой цене пять комплектов камуфляжной формы, была очень рада такому вложению средств. – Самое что надо на лето! И за грибами, и в поле, и в горы, если в Лазаревское поеду... И пацанам понравится! Я даже Андрюхин пятьдесят второй размер нашла! Обязательно пузо поместится, а рукава закатать можно! А чего это они нас не встречают? Обещали же!

– Наверное, совсем замотались. – озабоченно предположила Натэла, перехватывая волосы зелёной банданой. – Разве можно мужчинам поручать детей?! Бабушка говорит, что их слабая нервная система этого не выносит. Мужчинам на-

до куда-то строим идти воевать, или на гору лезть, или стену пробивать и что-то строить... а ещё лучше – ломать... А дети – это у них мозг не выдерживает!

– У Атамана такой мозг, что всё выдержит! – заверила Юлька.

– А у меня – нет, – вздохнула Белка, листая книжку, которую купила в электричке и читала всю дорогу. На чёрной обложке было написано: «Аномальные места Смоленской области».

– Это же ужас куда мы приехали, оказывается! – Белка озиралась по сторонам так, будто рассчитывала под каждым кустом увидеть по привидению. – Здесь такие кошмары творятся! Вот тут написано, что по ночам до сих пор призраки по деревням ходят – партизаны! Которых при немцах убили! И в окна стучат! А в каком-то лесу дохлого волка нашли с человеческими руками и ногами! И коты страшные бродят, по-русски разговаривают! Девчонки, если я одного такого котика увижу – поседею, наверное!

– Зато будешь стильно на своём концерте выглядеть! – «утетила» Полундра. – Мне лично больше про бункер Гитлера понравилось! Вот бы найти и выкопать! Может, Гитлер там ещё сидит?

– Юлька! – закатила глаза Натэла. – Гитлер отравился в сорок пятом году в Берлине! Зачем ему за этим в Смоленск надо было ехать? Белка, выброси ты эту книжку, мало ли глупостей пишут! Коты говорящие, с ума сойти... Ты мне

лучше скажи, где ребят носит? Обещали встретить – и где они? И телефон не берёт!

– Надо спросить у кого-нибудь, в какой стороне Островицы! – предложила Белка. – Есть же здесь люди?

Полундра встала на цыпочки и огляделась. Никаких людей вокруг не наблюдалось. У платформы буйно росли лопухи, дремучая крапива в человеческий рост и какие-то розовые метёлки. Сразу за метёлками начинался лес. На провисших проводах сидели галки.

Белка испуганно шмыгнула носом. Но лишить душевного равновесия Юльку Полундру было невозможно.

– А вон кто-то у сарайчика пасётся! Пошли спросим!

«Сарайчиком» оказалось древнее здание станции с надписью «Островицы». В двух шагах от него под развесистой липой сидел сердитый взъерошенный мальчишка.

– Привет! – весело поздоровалась Белка. – Ты местный? Не подскажешь, как до ваших Островиц дойти?

Пацан мрачно посмотрел на неё, отвернулся и ничего не ответил. Белка растерянно захлопала ресницами и обернулась на подруг.

– Сколько раз тебе говорить – не шепчи, тебя никто не слышит! – фыркнула Полундра и, шагнув вперёд, рывкнула в полный голос: – Привет! Нам в Островицы надо! Пальцем ткни – куда идти?!

Стая галок с безумным карканьем сорвалась с проводов и унеслась за лес. Мальчишка подскочил на месте, посмотрел

на Полундру с ненавистью и вдруг заорал в ответ:

– Да пошли вы! Не знаю! Карту купите! Деньги у вас есть?!

– Есть, – слегка ошалев, подтвердила Полундра.

– Так давайте сюда! Мне шестьсот двадцать рублей надо, быстро! Что рот открыла? Бабки гони!

Натэла и Белка остолбенели. Даже Полундра, которую нелегко было напугать, не нашлась что ответить на неожиданный и наглый запрос. А мальчишка, вскочив, резко дёрнул с плеча Белки маленький рюкзачок с ключами от дома, мобильным телефоном и тысячей рублей денег. Белка, вырвав из рук книжку, с пискom повалилась спиной в кусты. Натэла, ахнув, кинулась к ней. Мальчишка с рюкзаком в охапке помчался было к лесу, но тут пришла в себя Полундра.

– Стоять, гад!!! – От боевого Юлькиного клича снова загудели провода. Полундра кинулась вдогонку, совершила полуразворот, взмахнула ногой, и... не зря она взяла золотой кубок в этом году на районных соревнованиях по карате! Рюкзак, выбитый из рук мальчишки, полетел под ноги Белке, а сам грабитель с воплем грохнулся в заросли ежевики. Взвыл, вскочил на ноги – и с перекошенной физиономией кинулся на Полундру.

С первых же мгновений боя Юлька поняла, что противник её кое-что умеет. Это было не карате и не дзюдо, а неизвестная Полундре борьба. «Боевое самбо, что ль?» – подумала она, вторично отправляя пацана в кусты мощным «маваши-гери». Юлька была удивлена, но не напугана. Было оче-

видно, что, выучив где-то пару приёмов, мальчишка ни разу не применял их в реальной драке. Сама же Полундра вела бои на поражение ещё в песочнице детского сада, так что справиться с малолетним вымогателем ей не составило труда. Очень быстро Юлька сумела аккуратно уложить его в задохшую коровью лепёшку на обочине дороги.

– Дура! Пусти! Убью! – бешено выдирался тот. – Я – Таранов, поняла?! Ты – покойница, ясно?! Нет тебя больше на свете – поняла?!

– Да поняла, поняла, голубь мой... – нежно ворковала Полундра, поудобнее усаживаясь на спине поверженного противника. – Тебя как – до вечера так продержать? Не отсыреешь?

– Юлька, Юлька, отпусти лучше! – заволновалась Натэла. – Ещё сломаешь ему что-нибудь, отвечай потом...

– Успокойся – отпущу, – пообещала Полундра. – Ну – всё или не всё, радость моя? Сдаёшься?

Юлькина радость в ответ выругалась так, что интеллигентная Белка зажмурилась и зажала уши.

– Ну, тогда сидим дальше, – добродушно распорядилась Полундра. – Девчонки, а вы пока поищите кого-нибудь, кто знает, где Островицы. Нам же, хочешь не хочешь, а добираться надо!

– Мы знаем! – послышался сзади весёлый голос.

Полундра, не вставая с Таранова, осторожно обернулась. В двух шагах стояли трое взрослых парней – лет по семна-

дцать. Загорелые, улыбающиеся, одетые точь-в-точь как сама Юлька – в камуфляж и тельняшки.

– Вам помочь, дамы? – осведомился один из них – высокий и широкоплечий, чёрный от загара. Его серые глаза пробежались по камуфляжной форме девчонок, рюкзакам и газнокосилкам. Он поднял улетевшую в траву Белкину книжку, мельком взглянул на название и протянул хозяйке.

– Вы в поход собрались или в гости к кому?

– Нам в Островицы надо, – проворчала Юлька. – Это далеко?

– Сейчас покажем, – пообещал парень. – Но, может быть, вы освободите этого... демона поверженного?

– Ага, щас! – хмыкнула Полундра. – Чтоб мы на два метра отошли, а он нам вслед бульником кинул? Ну уж нет!

– Бульника мы не допустим, – серьёзно пообещал высокий. – К тому же ты его так роскошно уложила... Чем занимаешься? Тхэквондо?

– Карате. Зиловский клуб, зелёный пояс, – буркнула Полундра, и парень уважительно кивнул. И тут же улыбнулся:

– У меня – коричневый. Попробуем?

«Ого...» – слегка растерялась Полундра. Но замешательство её было минутным. В следующую минуту она уже вскочила, коротко поклонилась партнёру и приняла стойку.

Против коричневого пояса у Полундры шансов было мало. Противник кружил вокруг неё легко и непринуждённо, атак не предпринимал, улыбался. Юлька, как ни старалась,

ни разу не смогла его достать: парень легко, словно танцуя, уклонялся от ударов. Осознав наконец, что он просто играет с ней, Полундра решила не позориться понапрасну и, вытирашив глаза, ткнула пальцем через плечо противника:

– Ата-а-ас!

К ударной силе Юлькиного голоса незнакомый каратист явно готов не был и, вздрогнув, обернулся. В тот же миг Полундра ударила с ноги, и «коричневый пояс» полетел на измятую траву. Тут же легко, одним прыжком, вскочил на ноги.

– Молодец! – с уважением сказал он. – Но так нечестно!

– В реальном бою всё честно, – ухмыльнулась Полундра. – Ладно. Ты бы меня всё равно размазал.

– Не факт, – великодушно сказал парень, потирая ушибленное плечо. – Что ж... Приятно было познакомиться. Как тебя зовут, дева-валькирия?

– Сам ты дева! – под общий хохот огрызнулась Юлька. – Полундра меня зовут! И нам уже пора! Так где тут Островицы-то, скажет мне кто-нибудь или нет?!

– Ой, Юлька, Юлька, он убежа-а-ал... – послышался растерянный Белкин писк. Полундра обернулась. Таранов, двигая ободранными локтями, вовсю чесал вверх по косогору. Догонять его не было никакого смысла.

– Ну и фиг с ним, – отмахнулась Юлька. – И так сколько времени потеряли... Ой, а вон пацаны наши шлёпают!

По заросшей муравой дорожке действительно неслись

Атаманов и Батон.

– Гнали изо всех сил! – подойдя, объявил Атаманов. – Но там Дениску Епифаний рогами двинул, пришлось сопли вытирать и успокаивать... Привет, девчонки! Молодцы, что подождали! А... это ещё кто? Полундра! Ты что – уже кому-то морду набить успела? Респект! На пять минут задержаться нельзя!

Тут же все перезнакомились. Каратист представился Стасом, его друзья – Генкой и Семёном. Выяснилось, что парни учатся в смоленском Суворовском училище, а сюда приехали на каникулы.

– Вы в гости заходите, – пригласил Стас. – Мы в Сватеево обитаем, в километре от вас. Наш дом прямо возле реки, вы его сразу узнаете!

– Посмотрим... – пробурчала Полундра. Стас взглянул на неё серыми весёлыми глазами, блеснул зубами в улыбке, махнул рукой и легко зашагал вниз по холму к блестящей петле речки. Его друзья тронулись следом.

– По-моему, ты впечатление произвела! – хихикнула Белка.

– Ничего я не произвела, – буркнула Полундра. – Он круче меня машется.

– Ты лучше представь, какой ты в его возрасте будешь! – строго сказала Натэла. Юлька представила – и хищно улыбнулась.

– Давайте, девчонки, поживей, – вздохнув, посоветовал

Атаманов. – Мелочь дома одна осталась.

День прошёл в хлопотах и суете. Натэла кое-как разместила в дряхлом холодильнике привезённую с собой еду и накормила малышню супом харчо и грибной запеканкой («Ешьте нэ-мэд-лэн-но, к вечеру на жаре испортится! А в холодильник уже не влезает!»). Белка и Полундра, кряхтя, отмывали полы и окна в доме. Из сарая, где Атаманов и Батон чинили обе газонокосилки, слышалась непечатная ругань и стук молотка. Машка пропала в огороде. К вечеру воздух освежел и тоненько зазвенел комарами. Привели с луга Милку, которую Батон, уже привычно нарядившись в платок и фартук, лихо выдоил в ведро.

– Завтра сделаем простоквашу и творог, – решила Натэла. – И ещё часть – на продажу, так, Маша?

– Уж и не знаю прямо, – подумав, вздохнула Машка. – Сегодня почему-то из Красного дома не пришли. Я весь творог пацанам скормила, чтоб не пропал.

– Ну, если и завтра не придут, я сырники сделаю, – решила Натэла. – Или лучше ватрушек напечь? Ладно – и то, и другое!

На газовой плите вскипел чайник. На столе, застеленном старой клеёнкой в васильках, стояла испечённая Натэлой шарлотка с вишней. Из палисадника пахло цветами, вокруг лампы плясали мошки и мотыльки. На двор напоззли сумерки. Над сараем медленно поднимался тонкий месяц.

– Ну, все вместе-то точно неделю продержимся, – доволь-

но сказал Батон, придвигая к себе огромный кусок пирога. – Главное – корова доится! А всё остальное – дело техники...

– Завтра надо влезть на дуб и дозвониться в больницу, – невнятно (рот был набит шарлоткой) сказала Атаманову Полундра. – И тётке в Новосибирск. Типа всё под контролем, все подоены, и в огороде всё растёт.

– А в лесу кто-то воет, – хмуро ответил Атаманов. Три пары девчачьих глаз уставились на него, и Серёга принялся рассказывать о недавних событиях.

Первой вскочила Полундра:

– Так, где это озеро?! Я прямо щас... Атаман, у тебя сеть какая-нибудь есть? Или хотя бы вилы? А верёвка с лебёдкой?

– Я тебя, Атаман, предупреждал, – хмыкнул Батон. – Полундра! Какая тебе лебёдка на ночь глядя? Динозавры ночью спят! Или тебе фонарь для ночной подводной охоты?

– Не мешало бы! А что – есть?!

– Мамочки, так я и знала! – умирающим голосом сказала Белка, зачем-то взбираясь с ногами на диван. – Я теперь точно не засну! А вдруг этот динозавр ночью ходит по деревне? И всех ест?! Не зря же здесь все дома пустые!

– Гринберг! – вышел из себя Атаманов. – Дома пустые, потому что все старики перемёрли, а молодёжь поужжала! Здесь же ничего интересного, одни болота и леса! Моя бабка одна на всю деревню осталась! И за восемьдесят три года никто её не съел! Может, думаешь, динозавр лично тебя тут дожидается?!

– Я же ничего... – пискнула Белка. – Только мне всё равно страшно...

– Ладно, ляжешь со мной на одной кровати, – великодушно разрешила Полундра. – Хотя я собиралась в саду на раскладушке...

– Я лягу на раскладушке, – сурово сказал Атаманов. – Натэла! Ты тоже динозавра боишься?

– Глупости!

– Тогда пойдём, что ль, погуляем?

Натэла слегка покраснела, улыбнулась. С достоинством кивнула.

– Недолго только, дети мои! – строго предупредила Полундра. – Спать надо пораньше лечь, завтра куча дел!

Атаманов с ухмылкой отдал честь:

– Слушаюсь, тащц генерал!

– К пустой тыкве не прикладывают! – хмыкнула Полундра. – Ну, что ты ржёшь, охотник за динозаврами?! Валите уже отсюда!

– Совсем Серёга соскучился, – со вздохом прокомментировала она, когда за Атамановым и Натэлой закрылась дверь. – Весь июнь мне в Фейсбук писал, так каждое второе слово – «Натэлка»! И что она делает, и чем занимается, и не завёлся ли у неё какой-нибудь джигит в Сухуми... Вот дурак! Да ей никто, кроме него, не нужен!

– И что она только в Серёжке нашла? – хихикнула Белка. – Могла бы в самом деле джигита себе завести. Или даже ак-

тёра! Вон у Нино Вахтанговны сколько знакомых! А Натэлка второй год никого, кроме бандита нашего, видеть не желает!

– Гринберг, замолчи! – проворчал Батон. – Сама небось в Лазаревском от своего Ромки месяц не отлипала.

– Так ему же осенью в армию идти! – возмутилась Белка. – Кстати, тебе Терезка-то из Бразилии пишет?

– Ещё как пишет! – Физиономия Батона расплзлась в довольной улыбке. – Соскучилась, говорит! Через две недели уже назад прилетает! В настоящей макумбе участвовала, посвящение какое-то прошла...

– Только Юлька у нас непристроенная ходит, – пригорюнилась Белка. – Юльк, ты когда уже влюбишься в кого-нибудь? Годы, между прочим, идут! Тебе уже четырнадцать, пора жизнь устраивать!

Полундра поперхнулась чаем, с шумом фыркнула и замала руками:

– Ты совсем, что ль? Я?! Этой фигнёй вашей заниматься?! Тьфу, не дай бог... Белка, ну вот ты меня представляешь на балконе в розах под луной? С принцем на коне?

Вообразить такого Белка, при всей своей буйной фантазии, не могла. Любимая подруга представлялась ей исключительно в маскировочном раскрасе, с шевроном войск группы «Альфа» на рукаве, лежащей в засаде с автоматом на изготовку. И если конь ещё мог вписаться в этот героический антураж, то принца с розами уже было никак туда не вмонтировать.

– Ну вот и я говорю, – ухмыльнулась Полундра. – Не-е... Дед говорит, что военным лучше вообще семью не заводить, мало ли что... А я после школы – сразу в армию! У нас – семейная традиция!

Белка схватилась за голову. Батон захохотал и потянулся за последним куском пирога.

Атаманов и Натэла медленно шли через пустой луг. Месяц взобрался высоко над крышами деревни и застрял в серебристых облаках. По одной робко зажигались звёзды. В траве наперебой стрекотали кузнечики, и Атаманову впервые пришло в голову, что летом в деревне может быть очень даже неплохо. В ладони у него были зажаты тёплые пальцы Натэлы, а свободной рукой подруга увлечённо размахивала:

– Представляешь, тётя Мадина всё село собрала! Человек триста, наверное, за столом сидели! Как только в доме все поместились?! И она всем рассказывала, какая я у неё замечательная, и умница, и отличница, и всё что угодно приготовить могу, и шить умею, и вязать, и... Ва-ах, мне так неудобно было! Я ведь с четвёркой по физике год закончила! И чахохбили у меня до сих пор плохо получается! Тётя, говорю, не позорьте меня перед людьми... Ни-ичего не слышит, хватается всюю! А ночью повела меня спать – а под кроватью горшок стоит!

Атаманов хмыкнул.

– Да!!! Самый настоящий! Эмалированный! С ручкой! Тётя, говорю, за что вы меня срамите? Это же для младен-

цев! Я спокойно во двор выйду, если что! Так она как глаза вытаращит, как замашет руками! «Никуда ночью не выходи! Только со мной или с братьями! Тебя сразу же украдут! Уведут в горы и отдадут замуж! Что я скажу Тамрико, что я скажу Нино, что я скажу Ревазу?!»

– Попробовали бы украсть, – свирепо сказал Атаманов, сжимая кулак. – Я бы Батона взял с Полундрой, приехали бы на танке и раскатали весь этот кишлак в тонкий блин!

– Ну что ты ерунду говоришь? Какой танк, откуда?

– Полундра с блокпоста угнала бы, – уверенно сказал Атаманов, и Натэла не нашлась что возразить.

Разговаривая, они вышли на поросший иван-чаем косогор, и внизу открылась утопленная в тумане низина. Поодаль торчала крыша Красного дома, освещённая фонарями. Рядом, на холме, белела заброшенная церковь.

Атаманов помнил, как они с Лизкой ещё совсем маленькими лазили в этой церкви по битому кирпичу и старшая сестра показывала ему какие-то красивые картинки на стенах. Сейчас церковь стояла в клубах тумана, а узкие окошки под куполом... почему-то светились. Атаманов сощурился и всмотрелся внимательней. Нет, глаза его не обманывали. Окна мигали слабым, голубоватым светом!

– Натэла, смотри! В церкви свет горит!

– Ну и что? – пожалала плечами Натэла. – Наверное, ночная служба идёт.

– Эта церковь сто лет не работает! В ней сначала сельский

клуб был, потом – силос хранили! А когда колхоз развалился, она вообще пустая осталась! Кому тут ночью свет жечь?

Они переглянулись. Натэла испуганно сказала:

– Серёжа! Не надо! Давай туда сейчас не пойдём! Мало ли что там может быть? Я, конечно, в эти страшилки из Белкиной книжки не верю, но... Пойдём лучше домой, а?

– Я один тогда! – отрубил Атаманов. – Дорогу назад помнишь?

– Никуда без меня не полезешь! – вскинулась Натэла. И они вдвоём, шёпотом препираясь, принялись спускаться в низину.

Когда Натэла и Серёга оказались возле церкви, сумерки уже сгустились в плотную темноту. Месяц заливал проломленный купол золотым сиянием, звёзды горели ровно и ярко. В этом свете был отчётливо виден огораживающий церковь забор. Атаманов растерянно остановился:

– Ни фиги себе! Это кто здесь забор поставил? И зачем? Не было же его никогда!

– Ну и пойдём тогда обратно! – с облегчением сказала Натэла. – Серёжа! Серёжа! Я через него всё равно не перелезу, куда ты?

Атаманов, однако, был вовсе не намерен отступать перед каким-то полутораметровым заборчиком. Пройдясь вдоль него, он быстро нашёл отодвинутую доску и ввинтился в дыру первым. Следом осторожно полезла Натэла.

Они очутились на широком церковном дворе. Узкая до-

рожка вела сквозь заросли сорняков к разбитому крыльцу.

– Серёжа, смотри... – тихо сказала Натэла. – Дверь открыта!

Тяжёлая дверь действительно стояла распахнутой. Проход слабо голубовато светился. Атаманов, взяв за руку Натэлу, решительно шагнул внутрь. Громко выругался, наступив на обломок кирпича. Поднял голову и успел увидеть только изображённое на стене тёмное, хмурое, черноглазое лицо в облаке смоляных волос. «Ничего себе ангел...» – подумал Атаманов... и свет тут же погас. Их обступила крошечная тьма. В стрельчатые окна не заглядывал даже месяц. Серёга Атаманов не был трусом, но ему ощутимо стало не по себе.

– Серёжа... – послышался панический шёпот. – Я боюсь... Давай уйдём!

– У меня в телефоне фонарик есть, – прошептал он в ответ. – Сейчас включу...

Но зажечь фонарик Атаманов не успел. В двух шагах от них, откуда-то из-под земли, раздался вой. Низкий, утробный, угрожающий, срывающийся в хриплое рычание. Точь-в-точь такой, какой вчера Атаманов слышал на берегу лесного озера. Ни о чём больше не думая, Серёга дёрнул за руку Натэлу и опрометью бросился вон из церкви.

Он остановился только возле бабкиного дома, когда Натэла, не привыкшая к ежедневным пробежкам, взмолилась:

– Серёжа, я больше не могу... Господи... Какой ужас!

– Не бойся. – Атаманов осторожно обнял её. – Ничего не

бойся, я же здесь! Щас как возьму вон топор и вернусь туда...

– Нэ-э-эт! Марш домой! Нэнормальный!

В доме уже все спали, и могучий батоновский храп сотрясал стены. На столе под салфеткой стояли остатки Натэлиного печенья.

– Я сейчас чайник поставлю, – решил Серёга.

– Нет! Не отходи от меня! – Натэла вцепилась в его руку. – Серёжа, кто же это был?

Ответа у Атаманова не было, и в душе он отчаянно надеялся на то, что Натэла не заметила его собственного позорного испуга.

– Давай спи. – Он принёс старый плед, аккуратно укрыл дрожащую девочку. – Сюда ОНО всё равно не придёт. Оно водяное.

– Ни за что не засну! – объявила Натэла. И через десять минут уже спала мёртвым сном. Серёга вздохнул, сел рядом с ней на пол, пристроил голову на старый диванный валик и отключился.

* * *

– Пашка-а! Ур-р-р-ра!!!

Дикий вопль Полундры раздался в полшестого утра. Он вспугнул сорок на шиферной крыше и поверг в панику куриный выводок, важно гулявший в загончике из проволоки.

Жиган и Цыган, вылетев из-под крыльца, подняли феерический брѣх. Машка, волочащая в курятник ведро комбикорма, выронила его из рук. Из хлева с грохотом вывалился перепуганный Батон.

– Полундра!!! У меня корова чуть на бидон не села!

Но Юлька неслась через весь участок к калитке, продолжая оглушительно вопить:

– Пашка, здорово! Ты что – всю ночь ехал?! Тебя дед послал или Соня?!

– Догадайся с трёх раз, – предложил старший брат, выбираясь из машины и подхватывая Юльку в объятия. – Андрюха, привет, шикарно выглядишь! Голубой цветочек тебе к лицу... и фартук такой кавайный! Кстати, где Белка? Пусть получит и распишется! И с какой это стати я всю жизнь за ваши подвиги отвечаю?

– Полторецкий! Ты в принципе не способен ни за что отвечать! – послышался негодующий голос, и из машины выбралась Соня – Пашкина невеста, студентка консерватории и старшая Белкина сестра. – Где Бэлла?! Я сейчас просто... просто не знаю что сделаю! Когда-нибудь это кончится или нет? Когда-нибудь я вздохну спокойно? Вы считаете, мне больше не на что потратить мой последний нерв?!

– Привет, Соня, какой у тебя сарафан классный! Новый? – попыталась отвлечь огонь на себя Полундра. Но манѐвр не удался.

– Юля, этому сарафану два года, мне его сшила Натэла на

день рождения, и ты его видела мильон раз! Не заговаривай мне зубы! Где Бэлла? Покажите мне её немедленно... вот!!! Вот так я и знала! Почему ты с мотыгой? Ты испортишь руки! Что это за полевые работы?! Почему ты мне не позволила? Почему я прихожу домой с экзамена и читаю твою записку, что ты уехала в электричке куда-то на край света? Кто тебе разрешил? За две недели до концерта?! Не настолько ты ещё взрослая, моя дорогая, чтобы уезжать так далеко без спросу! Ты меня доведёшь, и я всё расскажу маме! А перед этим получу инфаркт! Даже два! Ты этого добиваешься?!

– Сонечка, это не мотыга... Это, кажется, совок... – Белка, на свою беду выскочившая из огорода с тяпкой и ведром, полным увядших сорняков, торопливо сунула компромат в руки Натэлы. – Я не рыла никакую землю... И почему это на край света? Подумаешь, Смоленская область... Сонечка, как же я могла тебе позвонить, если ты была на экзамене?! Кстати, ты сдала?

– Ещё бы я не сдала! – Голос Сони не спускался с угрожающих регистров. – Я сдала лучшей во всём потоке! Ректор сказал, что ещё никто так не играл Седьмую мазурку! А технику похвалил сам Марцинкевич!

– Ну вот видишь! – воспрянула Белка. – А если бы я тебе позвонила посреди экзамена и сказала, что уезжаю под Смоленск? Ты бы на нервной почве даже хроматической гаммы не сыграла!

– Но зачем тебя сюда понесло, наказание моё?! Тут что,

без тебя народу мало?

Тут уж на помощь Белке пришли все. Атаманов, не жалея чёрной краски, расписал опасное положение, в котором оказались «крошечные дети». Несчастные малютки, подготавливаемые Машкой, немедленно выстроились у крыльца с убитыми рожицами. Сама Машка при этом художественно хлопала носом и терла глаза. Затем вступил Батон с авторитетным суждением о том, что если, к примеру, корову дважды в день правильно не выдоить – конец и корове, и молоку, и последнему бабкиному доходу. Затем ударила тяжёлая артиллерия – Полундра, на все Островицы заоравшая о том, что друзья на то и даны, чтобы лететь на помощь по первому зову! С едой, лекарствами и газонокосилкой! Натэла от себя вежливо добавила, что лично она, Натэла Мтварадзе, может прокормить в одиночку хоть армейскую дивизию. Но тогда же на огород совсем не останется времени, а надо же понимать, что такое летние сорняки! День промедления – и грядки превращаются в амазонские джунгли, где не только редиски – прохода между рядами не найти! Так что без Белки им было никак, ну вот совсем никак не обойтись! Неужели Соня не понимает?

Пашка тихо ржал, спрятавшись за дверцей машины. Полундра строила ему отчаянные гримасы, но оба понимали: победа близка.

– ...а звонить по мобильному тут вообще можно только с дуба в чистом поле! – триумфально закончила Юлька. – И

то если повезёт! Мы еле-еле в больницу Лизке дозвонились!

– Надо, чтобы кто-то обязательно туда съездил! – распорядилась Соня. – И отвёз еды! Что я – не знаю, что такое больничное питание?

И все поняли, что спасены.

После Соня полчаса ходила по дому и огороду, восхищаясь тем, как везде всё чисто и аккуратно.

– Ну почему вы дома на такое не способны? Бэлла! Ведь вечно по всей квартире валяются вещи, ноты, книги, ничего нельзя найти! А здесь – посмотрите-ка! Прямо как взрослые люди управились! Хоть завтра замуж отдавай!

Девчонки дулись от гордости. На залитой солнцем террасе Натэла торжественно сняла с перекладины подвешенный марлевый мешочек:

– Вот! Творог уже готов! Простокваша в банке! Андрей, вы молоко перелили?

– Уже!

– А из Красного дома так и не пришли, – грустно сказала Машка. – Всё, наверное... не будут больше у нас покупать. И что им не понравилось? Всегда всё свежее было, молоко даже тёплое ещё...

Все озадаченно переглянулись. Атаманов вспомнил прошедшую ночь. Посмотрел на Натэлу. Получил молчаливое согласие. И решительно объявил:

– Здесь вообще-то странные вещи делаются!

– Опять?! – схватилась за голову Соня. – Дети! Ну почему

там, где вы, немедленно начинаются странные вещи?

– Тут всё, между прочим, без нас началось! – обиделся Атаманов. – Здесь в озере и в церкви василиск завёлся!

– Атаман, ну ты что, ей-богу... – зашипела Полундра, глядя на то, как бледнеет Белкина сестра. – Соня, не слушай его, нету никакого василиска, и вообще...

– Есть, – послышался твёрдый, тихий голос, и Натэла, положив комочек творога в керамическую миску, решительно подошла к столу. – Я слово чести даю – есть! Я сама его слышала!

Когда Натэла и Атаманов закончили свой рассказ о ночных событиях в церкви, на террасе воцарилась тишина, которую перебивало лишь басистое гудение шмеля, запутавшегося в занавеске. Но уже через мгновение шмель снесло за окно могучим воплем:

– Без меня-а-а?! Опять самое интересное без меня! Ну, Атаман, я тебе это припомню!

– Так кто же знал, Полундра? – заорал в ответ Серёга. – Мы просто гуляли! Увидели в церкви свет, спустились посмотреть! Только вошли – там как свет вырубится! И как завоет!!! Мы – бегом! А когда домой принесли, вы все дрыхли уже!

– Там завелось доисторическое страшилище! – шёпотом сказала Белка, с ужасом глядя на старшую сестру. – Плавает и воет! В моей книжке про такое было написано!

– Так плавает или воет? – заинтересовался Пашка. – Ата-

ман! Звук в церкви был такой же, как и в лесу?

– Один в один! – подтвердил Серёга.

– Но в лесу ты видел, как это «что-то» плавает в воде?

– Видел! Оно и плавало! Хвост такой двойной и длинная серая спина!

– Наверх не выныривало?

– Нет, – икнув, с заметным облегчением сказал Серёга.

– Тогда ничего не получается, – объявил Пашка. – Вода глушит звук. То есть если бы твоя Несси рычала в озере, не высываясь из него, – это должно было быть совсем не слышно. Ну, или еле слышно. А вообще-то такого вовсе не могло быть.

– Почему?!

– Потому что рептилии не рычат! У них дыхательная система не позволяет! Рычать может млекопитающее – и то при условии, что у него в лёгких есть воздух! А если оно ГРОМКО рычало, не вылезая из воды, значит...

– Значит, это инопланетный разум, – севшим голосом подытожила Белка. – Инопланетяне где угодно могут рычать. Или вообще... вообще какое-нибудь привидение или призрак! Они уже давным-давно мёртвые! Как хотят, так и рычат, без всякого воздуха! Господи, где же моя книжка... вот! Здесь же во время войны шли страшные бои! Здесь, наверное, полные болота этих самых... неуспокоенных душ! Вот они и завывают по церквям!

– Боже, Бэлла, что за бред! – не очень убедительно возра-

зила Соня. – Сколько раз я тебя просила не тратить деньги на эту чепуху в электричках! Полторецкий, объясни им!

– Никаких неуспокоенных душ, Белка, – авторитетно сказал Пашка. – Во-первых, зачем мертвецам среди бела дня плавать в озере, размахивая хвостом? Откуда у убитых солдат хвосты? Во-вторых, как может неуспокоенная душа войти в церковь?

– Церковь недействующая! В ней не служат! – упорствовало Белка, всю жизнь свято верившая в мистику.

– Всё равно не сходится, – усмехнулся Пашка, с тоской посмотрев на свой айпад, совершенно бесполезный без вай-фая. – Тут, понимаешь ли, одно из двух: или Несси, или призраки! Призрак не может плавать и рулить хвостом! Лох-несское чудовище не может рычать под водой! И, кстати, как оно могло оказаться в церкви? Пришлѐпало через лес позаниматься вокальными упражнениями? В зал с хорошей акустикой?

– Полторецкий, перестань заниматься дурацкими умопостроениями! – слабым голосом сказала Соня. – Надо срочно увозить детей отсюда!

– А ВОТ ЭТИХ детей оставим здесь на съедение? – шѐлковым голосом спросил Пашка, указывая на малолетних атамановских кузенов, которые крутились у стола в ожидании завтрака. Те отработанно раскрыли рты для рѐва – и Соня сдалась:

– Хорошо. Неделю, и не больше! Пока не вернутся взрос-

лые! Но я остаюсь ЗДЕСЬ! И ты, Полторецкий, тоже!

– А я ничего... И не собирался уклоняться... от семейного долга... Вот только без Интернета...

– Интернет здесь только в Красном доме, – напомнила Юлька. – Но он запаролен и...

Продолжать она не стала, увидев на лице старшего брата широчайшую хулиганскую улыбку. Павел Полторецкий заслуженно считался самым крутым хакером Москвы.

– Ну так распаролим! – с лёгкостью пообещал он. – Уж не сложнее Внешэкономбанка этот их вай-фай! Две минуты всех дел! А сейчас пошли смотреть ваше неупокоенное страшилище! Серёга, проведёшь?

– Но церковь же огорожена! – взвилась Соня. – И вообще – это чужие владения! Полторецкий, не выдумывай: никуда не полезешь!

– Ну, вокруг озера-то, надеюсь, забора нет? – усмехнулся Пашка. – И его Таранов ещё не приватизировал? Тогда идём туда!

К лесному озеру тронулись всем обществом. Тропинка бежала через сосновый лес, солнце просвечивало сквозь переплетённые ветви, зайчиками прыгало по шершавым рыжим стволам. По пути Полундра рассказывала брату о вчерашнем приключении на станции.

– Прикинь – какой-то шкет хотел Белкин рюкзак спереть! И главное – драться-то почти не умеет! Полез на меня такой – типа через бедро кинуть, а захвата путёвого сделать не

может! Пока он грабками, как мельница, махал, я его уже в тиски – и через спину! И второй раз! И – «маваши-гери»! Всё, контрольного выстрела не надо!

– Знай нашу десантуру! – с уважением кивнул Пашка, хотя в глазах его прыгало ехидство. – Не выдать деду тебя за муж, это точно...

Полундра с достоинством заметила, что да, не для замужества она на свет родилась.

– Странно, однако, – задумался Пашка. – Пацан из богатой семьи. Деньги наверняка в доме имеются. На большой дороге грабить незачем. Для чего ему понадобилось ваши рюкзаки тырить?

– Так он сначала и не тырил! – вдруг вспомнила Полундра. – Он орать начал: «Дайте шестьсот двадцать рублей, я Таранов!»

– Шестьсот двадцать? – наморщил лоб Пашка. – А что это за точность такая? Почему не пятьсот? Не тысячу? Именно шестьсот и именно двадцать?

На это ответа у Полундры не нашлось.

Впереди заблестело между сосновыми стволами озеро. Над водой носились стрекозы, у дальнего берега на одной ноге стояла серая цапля, а на берегу, верхом на разлапистой коряге, восседала Машка с удочкой.

– Пришла вот потаскать! – помахала она брату. – Тут окуни в ладонь попадают! На ужин зажарим!

– Машка, ты сюда лучше не ходи, – сурово предупредил

Атаманов. – Тут у вас плавает непонятно что... Сожрёт ещё!

– Где здесь-то?! – Машка смешно наморщила облупленный нос. – Да вот ещё! Всю жизнь сюда ходим – и ничего!

– Акулы тут случайно не плавают? – поинтересовался Пашка.

– Акул – нет, – серьёзно ответила Машка. – Только окуни и караси.

– Угу, угу... – Пашка глубокомысленно покивал головой. – Атаман, что делать будем?

– Может, права Белка была? – Полундра, сощурившись, всматривалась в абсолютно невинную на вид гладь загадочного озера. – Может, тут того... не Несси, а привидение живёт? Машка, у вас есть привидения?

Но девчонка небрежно отмахнулась, подалась вперёд, дёрнула удилице – и с победным воплем выхватила из воды радужного, играющего на солнце окуня.

– Машка, а откуда вокруг церкви забор? – вдруг вспомнил Атаманов. – Раньше же не было!

– Так Таранов же поставил! – Девчонка старательно насаживала на крючок нового червяка. – Пять лет назад, как землю тут купил – так и поставил! Сначала сюда грузовики ездили, что-то рабочие делали, какие-то шланги тянули... а потом всё и забросили! Один забор остался! Опа! Вот он! – Она лихо подсекла – и ещё один окунь вылетел на берег. Атаманов только завистливо свистнул.

Поход к озеру ничего не дал: никаких доисторических

монстров в тёплой, прогретой до дна воде не нашлось. Друзья напрасно высидели на берегу два часа, таращась на прибрежные заросли.

– Может, тебе всё-таки показалось, Атаман? – допытывалась Полундра, когда они возвращались домой. – Может, там просто тень не так легла?

– И пацану тарановскому тоже показалось? – огрызнулся сердитый Серёга. – И Натэлка вчера со мной в церкви ничего не слышала?! Было, говорю! Орало! Громко! Век воли не видать!

Они уже пересекали косогор, когда Полундра удивлённо сказала:

– Ой, смотрите! Кажется, пришёл кто-то!

Действительно, по деревенской дорожке к их дому двигалась высокая фигура в камуфляжной куртке.

– Это же вчерашний! Каратист! – вспомнила Юлька. – Стасом вроде звать!

– По твоему «маваши-гери» соскучился, – хмыкнул Атаманов. Полундра показала ему кулак.

Гость действительно оказался Стасом.

– Привет! Грибов не купите? Одни белые да подосиновиков парочка! Дёшево отдам, лишь бы не пропали! Мы с пацанами с утра в дальний лес ходили, за Баранничи. Там, похоже, дожди прошли. За час четыре корзины такие набрали, девать некуда! Хорошо, что я про вас вспомнил. Народу у вас много, суп сварите.

– Сколько хочешь за корзину? – подозрительно спросил Атаманов.

– За триста рублей всю отдам.

Это и в самом деле было дёшево, и Серёга с радостью согласился.

– Да ты заходи! Есть хочешь? Сейчас девчонки что-нибудь...

Зайти Стас отказался и только присел отдохнуть на дряхлую лавочку у забора.

– С четырёх утра на ногах. Выдохся малость.

– Ещё бы, – согласился Атаманов. – Ты сам-то местный? Что-то я тебя не помню...

– Я из Смоленска, а вот дед был местный. Всю жизнь в Сватееве прожил, – кивнул Стас на горку за лесом. – Этой весной умер, а дом и все картины мне остались.

– Картины? – удивилась Полундра. – У... дедушки в деревне?

Стас с усмешкой взглянул на неё.

– Дед всю жизнь рисовал. Церковь на холме видели? Его фрески там на стенах!

– Ничего себе... – уважительно мотнул головой Атаманов, который сразу вспомнил черноглазое лицо на стене церкви, бросившееся ему в глаза минувшей ночью. – Надо будет слазить посмотреть, пока Таранов всё не снёс.

– Кстати, кто ему вообще позволит сносить церковь? – неприязненно спросила подошедшая к калитке Соня. – Зем-

лю он, конечно, купил, но ведь церковь – памятник архитектуры! Наверное, древняя!

– Четырнадцатый век, – уточнил Стас.

– Так как же?! – ужаснулась Соня. – Это же надо написать... я не знаю... в Департамент культуры! И в Синод! Или в Патриархию! Должен же кто-то этим заняться! Сейчас повсюду реконструируют старые церкви...

– Уже писали, – хмуро ответил Стас. – Дед сам и писал, пока жив был. Только никому ничего не нужно. Церковь старая совсем, разваливается. Вокруг деревни пустые стоят, службу служить не для кого. А дедовы картины вообще никому не интересны. Приезжала раз комиссия из Рославлевской епархии, сказали, что вся живопись – неправильная, нецерковная и такого в храме вообще быть не должно. Ну, и продали весь холм этому... Таранову! Под галошный завод!

– Свинство какое! – уверенно сказала Полундра. – Нет, тут надо напролом идти!

– Ну да, как ты умеешь, – ехидно вставил старший брат. – Грудью на пулемёт!

Но Юльку уже несло:

– Таранову что – завод больше негде поставить? Какая разница, где галоши делать? По-любому всю округу провоняет! А церковь жалко, она старинная! Да ещё вон с картинами! Не-е, это надо пробиваться к главному попу... в смысле, архиерею! Белка, надо с Сол Борисычем поговорить! Он наверняка знает, куда того... обращаться, чтобы орать!

– Тебе, Юля, лишь бы орать, – отвернувшись, сказала Соня. – А ведь неизвестно, что там за картины. Вдруг они вовсе не... не ценные. Мало ли что можно нарисовать на стенах?

Она говорила чуть слышно, но Стас, кажется, понял, о чём идёт речь, и нахмурился. Взглянул на воинственную веснушчатую физиономию Полундры, неожиданно улыбнулся и пригласил:

– Хотите – пойдёмте в гости! У меня Интернет есть, в прошлом году «тарелку» повесил.

– Шикарно! – живо заинтересовался Пашка. – Если не шутишь, то пошли прямо сейчас.

– Невменяемый... – пробормотала Соня. – Если нужно в Сеть прорваться – пешком до луны пойдёт! И в гости к незнакомым людям!

– Я с вами! – завопила Полундра и помчалась вслед за Стасом и старшим братом. За ней, переглянувшись, побежали Атаманов и Батон, а за ними – Белка. Натэла и Соня остались заниматься обедом.

До соседней деревни Сватеево было около километра – с холма на холм. Стас, казалось, ничуть не устал после многочасового хождения по лесу. Он шёл лёгким, пружинистым шагом, помахивал пустой корзиной и рассказывал:

– Эта церковь ещё до польского нашествия была поставлена! И вообще была не церковь, а монастырь! Монахи от Польши нас обороняли, своё войско держали. И, между прочим, очень хорошо обороняли! Даже в Радзивилловскую ле-

топись попасть умудрились. Рассказывали, что монахи налетали как ураган, били поляков – а сами потом уходили неведомо куда. Сколько раз поляки превосходящими силами захватывали сам монастырь – и не находили в нём ни одного человека! Сжигали его дотла! Прямо по камешкам раскатывали! А монахи потом преспокойно отстраивались заново и жили дальше. Уже после Смуты монастырь совсем обнищал, и восстанавливать его не стали. Говорят, он вообще под землю весь целиком ушёл. Одна только церковь и осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.